

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК 343.23

Лазарева Н.,
Чентеш И.

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ЕГО ВИДЫ ПО УГОЛОВНОМУ КОДЕКСУ СЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье на основе сравнительно-правового и исторического исследования развития словацкого и российского уголовного права представлен анализ понятия преступления, его формальных и материальных признаков. Также в статье дан подробный анализ видов преступных деяний по действующему Уголовному кодексу Словакии.

In this article under the comparative and historical research of the development of Slovak and Russian criminal law presents an analysis of the concept of crime, its formal and material characteristics. The article also analyzed in detail types of criminal offenses under the existing Criminal Code of Slovakia.

Ключевые слова: сравнительное правоведение, Словакия, преступление, материальный и формальный признаки преступления, виды преступных деяний, проступок, преступление.

Key words: comparative law, Slovakia, criminal offence, material and formal elements of a crime, types of criminal offence, minor offence, crime.

Единственным основанием уголовной ответственности в словацком уголовном праве *de facto* и *de jure* является преступное деяние. Понятие преступного деяния и его виды определены в Главе 1 Общей части Уголовного кодекса Словацкой Республики, принятого в 2005 г. и вступившего в силу с 1 января 2006 г. Именно с понятием преступного деяния связаны основные изменения, произошедшие в уголовном законодательстве Словакии после принятия действующего УК. Эти перемены связаны с отказом от существовавшего прежде (в Уголовном кодексе Чехословацкой Социалистической Республики 1961 г.) материального подхода к его пониманию и установлением формального понятия преступления по примеру немецкого уголовного законодательства.

Чем же не устроил словацкого законодателя материальный признак преступления? Здесь нужно вспомнить, что Словакия обрела статус самостоятельного независимого государства лишь в 1993 г. До этого момента история Словакии – это история Венгерского Королевства (с XI в. до 1867 г.), Австро-Венгерской империи (1867 – 1918 гг.), Чехословацкой Республики (1918 – 1960 гг.), Чехословацкой Социалистической Республики (1960 – 1990 гг.), Чехословацкой Федеративной Республи-

ки (1990 – 1993 гг.). При этом вплоть до 1950 г. (до принятия первого кодифицированного Уголовного кодекса Чехословакии) на территории Словакии действовали как австрийские, так и венгерские законы. Такой исторически сложившийся правовой дуализм был даже официально закреплен Законом 11/1918 [1, с. 36].

Несмотря на различное законодательное регулирование сферы уголовно-правовых отношений, уголовное законодательство – и австрийское и венгерское – предусматривало тройственное деление преступных деяний на собственно преступления, а также на уголовные проступки и уголовные правонарушения. Разница между ними заключалась в общественно опасных последствиях их совершения, в процессуальных вопросах и сроках давности.

Отметим, что подобное тройственное деление было характерно и для уголовного законодательства России начала XX в. Так, ст. 3 Уголовного уложения 1903 г. выделяла *преступления* (преступные деяния, за которые законом определены как высшее наказание смертная казнь, каторга или поселение), *проступки* (преступные деяния, за которые законом определены как высшее наказание исправительный дом, заточение или тюрьма) и *нарушения* (преступные деяния, за которые законом опреде-

лены как высшее наказание арест или денежная пеня) [2, с. 5]. Комментируя эту статью Уложения, Н.С. Таганцев отмечал: «все разнообразные случаи посягательства на законы, запрещающие или требующие чего-либо под страхом наказания, означаются в Уложении общим термином «преступные деяния»..., а затем это родовое понятие разделяется на три вида: преступления, проступки и нарушения». В последствии указанная трехчленная классификация преступных деяний была упразднена как в России принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., так и в Чехословацкой Республике принятием Уголовного кодекса ЧР 1950 г.

Первый кодифицированный уголовный закон – Уголовный кодекс Чехословакии 1950 г., так же как и первый УК РСФСР 1922 г., отказались от тройственного деления преступных деяний. Что же касается понятия преступление, то УК Чехословакии 1950 г. установил формально-материальное понятие, понимая под преступным деянием только такое общественно опасное действие (бездействии), последствия которого предусмотрены законом и наступили по вине лица, совершившего преступное деяние [3]. Как видим, такие признаки преступления, как общественная опасность, противоправность и виновность были законодательно закреплены. По этой причине указанное определение было очевидно выигрышным по сравнению с исключительно материальным определением преступления в действовавшем на тот момент на территории России Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. Отечественный законодатель, именуя преступление общественно-опасным деянием, понимал под ним «всякое общественно-опасное действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [4]. Принятый в 1960 г. УК РСФСР также исходил из материального понятия преступления: в ст. 7 преступлением признавалось предусмотренное уголовным законом *общественно опасное деяние* (действие или бездействие), посягающее на общественный строй СССР, его политическую и экономическую системы, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, все формы собственности, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Как видим, отечественное уголовное законодательство исходило исключительно

из общественной опасности содеянного, сохранив такое понимание вплоть до принятия действующего УК РФ 1996 г.

Этот материальный подход, зародившийся в недрах социологической школы уголовного права и успешно прижившийся в советском уголовном законодательстве, в скором времени был перенят и чехословацким законодателем: в принятом в 1961 г. Уголовном кодексе Чехословацкой Социалистической Республики (Закон 140/1961) основное внимание уделено общественной опасности как признаку преступления. Согласно § 3 УК ЧСР «преступление – это общественно опасное деяние, признаки которого закреплены в уголовном законе. Если степень общественной опасности является незначительной, то деяние не является преступлением, даже если оно содержит признаки деяния, указанные в уголовном законе». При этом согласно п.4 §3 УК ЧСР «степень опасности деяния для общества определяется важностью интереса, который был им нарушен, способом совершения деяния и его последствиями, обстоятельствами, при которых деяние было совершено, личностью преступника, степенью его виновности и его мотивами». Если в период действия Уголовного кодекса Чехословацкой Республики 1961 г. такой подход вызывал одобрение ученых и практиков, то после Бархатной революции 1989 г., напротив, – лишь ожесточенную критику. Так, профессор М. Бобек, критикуя материальный подход к понятию преступления в книге «Коммунистическое право Чехословакии. Главы из истории бесправия», отмечал: «Если деяние не представляло опасности для общества, то не было и преступления, несмотря на наличие всех формальных признаков, установленных Уголовным законом. Если опасность для общества была не велика, то прокурор мог прекратить уголовное преследование. Таким образом, произошло слияние двух принципов – материального понятия преступления и дискреционных полномочий прокурора, что исключало действие принципа законности, на котором было основано уголовное законодательство» [5, с. 562].

Исключительно материальный подход к пониманию преступления по вышеуказанным причинам был подвергнут критике и в отечественной уголовно-правовой науке. Как итог: и российский и словацкий законодатели отказались рассматривать преступление только как общественно опасное деяние. Но если российский законодатель перешел к так называемому формально-материальному определению понятия преступления, то словацкий,

напротив, совершенно отказался от материального признака. В действующем Уголовном кодексе Словацкой Республики (Закон 300/2005) изложено формальное определение преступления: согласно § 8 преступное деяние есть противоправное деяние, признаки которого установлены уголовным законом, если этот закон не предусматривает иного. По мнению ряда словацких ученых, определение преступления как формальной категории вызвано практическими соображениями, поскольку способствует не только лучшему обеспечению конституционного принципа равенства всех пред законом, но и позволяет правоприменителям сосредоточиться на основных вопросах уголовного судопроизводства, а именно – на установлении преступного деяния и выявлении лица, его совершившего. Такое определение исключает возможность уголовного преследования при отсутствии факта нарушения уголовного закона, что, бесспорно, позитивно. В то же время в отечественном уголовном праве эта позиция подверглась критике. В частности, А.С. Михлин в учебнике «Уголовное право РФ. Общая часть» отметил, что «формальное определение понятия преступления является неуклюжей попыткой декларировать принцип равенства граждан перед законом и справедливость уголовного закона. На самом деле с помощью формального определения понятия преступления предпринята попытка завуалировать социальную сущность понятия преступления» [6, с. 53]. Не случайно при рассмотрении вопроса о признаках преступления в большинстве российских учебников уголовного права приоритет отдан именно материальному признаку, который раскрывает социальную сущность преступления [7]. Впрочем, справедливости ради, отметим, что и в отечественной уголовно-правовой науке иногда высказываются мнения о том, что именно признак противоправности (формальный признак) должен иметь приоритетное значение [8].

Итак, в словацкой уголовно-правовой науке материальный признак отрицается по причине «не соответствия принципу «*nullum crimen sine lege*». В то же время в учебниках словацкого уголовного права, несмотря на критику материального признака преступления, нельзя не заметить двойственного подхода несмотря на отрицание материального признака, он все же допускается учеными и, более того, в некоторых случаях даже превалирует над формальными признаками. Так, в учебнике уголовного права, изданного профессорско-преподавательским коллективом кафедры уголовного права, кримино-

логии и криминалистики Университета Коменского (г. Братислава) в 2013 г., при описании формального признака преступления как единственно возможно-го отмечается: «Формальное понятие преступного деяния означает, что для привлечения к уголовной ответственности виновного необходимо наличие формальных признаков преступления, которые предусмотрены Уголовным законом. Как правило, само по себе наличие этих признаков является достаточным для определения, является ли деяние преступным или нет. Однако в рамках формального понятия преступления допускается такое регулирование, которое для некоторых видов преступных деяний предусматривает так называемые *материальные коррективы*. С этой точки зрения материальные коррективы представляют собой исключения из формального определения понятия преступления. Целью применения материальных элементов здесь является отграничение преступных деяний (*trestný čin*) от так называемых мелких деликтов (*bagatelný delikt*), которые хотя формально и содержат признаки преступления, однако их опасность не такова, чтобы была необходимость преследовать их в уголовно-правовом порядке. Если бы уголовное право материальных коррективов не устанавливало, следовало бы решение об отграничении мелких деликтов передать уголовно-процессуальному праву. Уголовный процесс в этом случае должен был бы обосновать неэффективность уголовного преследования за подобные мелкие деяния» [9, с. 73].

Отметим, что «материальные коррективы» прописаны не только в учебниках уголовного права, законодатель также не справляется с задачей определить преступление только как деяние противоправное. Так, в ч. 2 § 10 УК СР написано: «Не является проступком деяние способ совершения которого, наступившие последствия, обстоятельства, при которых он был совершен, меры вины и мотив свидетельствуют о его незначительной опасности». Эта «материальная корректива», по мнению авторов вышеупомянутого словацкого учебника уголовного права, должна учитываться в каждом конкретном случае. При этом, если деяние не несет повышенной общественной опасности, то в большинстве случаев его следует расценивать как административный деликт [9, с. 80].

На подобную непоследовательность словацкого законодателя, провозгласившего формальный подход к понятию преступления, но допускающего учет характера и степени общественной опасности содеянного, обратил внимание и профессор Пань-

европейского университета (г. Братислава) Ярослав Ивор, отметивший, что изложенное в ч. 2 § 10 УК СР «можно рассматривать как противоречие тому, что новый Уголовный кодекс перешел на формальное определение преступного деяния. На этом примере видно, что законодатель не выдержал задекларированный подход и очевидно вернулся к тому, что в прошлом означало степень общественной опасности, с той разницей, что теперь это обозначено как незначительная опасность» [10, с. 86 – 87].

Действительно, в позиции большинства словацких ученых видится некоторое лукавство: вроде и отрицается общественная опасность в преступлении как пережиток «советского недемократического» подхода к понятию преступления, но в то же время не получается без этого признака объяснить социальную сущность этого явления и отличить преступное от непроступного.

Впрочем, теоретикам словацкого уголовного права можно посочувствовать: незавидная задача – обосновать и разъяснить понятие преступления лишь противоправностью, когда сам законодатель столь противоречив. Вот и приходится пояснять приблизительно так: «из определения понятия преступления общественная опасность, однако, не исчезает, потому что она тем или иным образом выражается в том, что законодатель конкретным противоправным деянием придал форму наиболее серьезного правонарушения – преступления. В этом смысле и формальный признак, характеризующий преступное деяние, отражает общественную опасность» [9, с. 69].

Как видим, материальный признак, пусть даже в виде «материальных корректив» в понятие преступления словацкими учеными все-таки заложен. Как бы не хотелось словацкому законодателю приблизиться к западно-европейскому формальному понятию преступления, заложенный советской юридической наукой материально-формальный подход все же яснее и понятнее обосновывает сущность преступления.

Рассмотрим теперь вопрос о видах преступлений. Согласно § 9 Уголовного кодекса Словакии преступные деяния подразделяются на проступки (*prečin*) и преступления (*zločin*). Этим делением действующий Уголовный закон заложил бипартизм преступных деяний с сохранением единого понятие преступного деяния как для преступлений, так и для проступков.

К проступкам согласно §10 относятся:

а) преступные деяния, совершенные по неосторожности;

б) умышленные преступные деяния, за совершение которых Уголовный закон в Особенной части устанавливает наказание в виде лишения свободы с верхней границей, не превышающей пяти лет.

Согласно §11 *преступление* есть умышленное деяние, за совершение которого настоящим законом в Особенной части установлено наказание в виде лишения свободы с верхней границей, превышающий пять лет. О преступлении идет речь и тогда, когда за совершение проступка установлено наказание с верхней границей, превышающей 5 лет.

Как видим, критерием выделения проступков и преступлений являются формы вины и границы наказания в виде лишения свободы, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса: все преступные деяния, совершенные по неосторожности есть проступки; при умышленной форме вины критерием деления выступает верхняя граница наказания. При этом одно и то же преступное деяние может быть и проступком, и преступлением. Конечно, возможно это только при умышленной форме вины, когда квалифицированный состав преступного деяния предусматривает верхнюю границу наказания, превышающую пять лет лишения свободы. Например, кража, ответственность за которую предусмотрена § 212 УК СР, в первых трех частях является проступком (предусматривает наказание от 6 месяцев до 3 лет лишения свободы), в ч. 4 (кража, совершенная организованной группой или с причинением крупного ущерба) – преступлением (наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет).

Помимо деления преступных деяний на проступки и преступления, в рамках понятия преступления законодатель выделяет еще одну категорию, которая была известна и предыдущему чехословацкому уголовному законодательству. Преступление, за совершение которого установлено наказание в виде лишения свободы с нижней границей не ниже десяти лет, называется *особо опасным преступлением* (*závažný*, ч.3 §11 УК СР). Удивительно то, что во время обсуждения проекта Уголовного кодекса Словакии при рассмотрении вопроса о категоризации преступлений было заявлено, что никакие иные субкатегории, кроме проступка и преступления, существовать не должны. Интересно и то, что эта субкатегория – особо опасные преступления – была включена в рекодифицированный Уголовный кодекс 30 декабря 2005 г. (Закон ч. 650/2005), т.е. до

вступления нового УК СР в законную силу (напомним, что действующий Уголовный кодекс Словакии вступил в силу 1 января 2006 г.) [10, с. 87].

Помимо деления преступных деяний на проступки и преступления, в доктрине словацкого уголовного права существуют и иные классификации. Так, профессор Я. Ивор предлагает следующие критерии классификации преступных деяний:

1. По характеру охраняемого интереса или по видовому объекту [9, с. 80]. Эта классификация основывается на делении Особенной части Уголовного кодекса Словакии на 12 Глав:

Глава 1. Преступления против жизни и здоровья;

Глава 2. Преступления против чести и достоинства личности;

Глава 3. Преступления против семьи и несовершеннолетних;

Глава 4. Преступления против собственности;

Глава 5. Экономические преступления;

Глава 6. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка;

Глава 7. Преступления против Республики;

Глава 8. Преступления против порядка управления;

Глава 9. Преступления против иных прав и свобод;

Глава 10. Преступления против военной и гражданской службы, безопасности государства.

Глава 11. Воинские преступления.

Глава 12. Преступления против мира и безопасности человечества;

2. По способу совершения деяния (действие, бездействие);

3. По наступившим последствиям (угрозы, реальный ущерб);

4. По формам вины (умысел, неосторожность);

5. По стадии совершения преступного деяния (приготовление, покушение, оконченной преступление) [10, с. 88-89].

При этом отмечено, что этих критериев могло бы быть и больше: по субъекту, формам соучастия, личности виновного и пр. Нельзя не увидеть, что все перечисленные критерии созвучны с российскими и являются следствием той классификации, которая была выработана еще в социалистической доктрине уголовного права.

Литература

1. *Vlček E. Dějiny trestního práva v českých zemích a Československu. Brno, 2004.*

2. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. Издание *Н.С. Таганцева*. СПб., 1904.

3. Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Чехословацкая Республика / Под ред. *М.А. Гельфера*. М., 1957.

4. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (с изм. 11 января 1956 г.) М., 1957.

5. *Bobek M., Molek P., Šimíček V. Komunistické právo v Československu. Kapitoly z dějinbezpráví. 2009.*

6. *Михлин А.С.* Уголовное право РФ. Общая часть. М., 2005.

7. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. *Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой*. М., 2002.

8. *Епифанова Е.В.* Российская уголовно-правовая наука о понятии преступления // Журнал российского права. 2008. № 4.

9. *MencEROVÁ I., TobiášOVÁ L., TurayOVÁ Y. a kol. Trestné právo hmotné. Všeobecné časť. Šamorín: Neuréka, 2013.*

10. *Ivor J. a kolektiv. Trestné právo hmotné. Všeobecná časť. Bratislava: 2006.*

УДК 343.13

*Стаценко В.Г.,
Шепелева Ю.Л.*

ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматриваются актуальные вопросы производства проверки сообщения о преступлении в контексте изменений, внесенных в статью 144 УПК РФ. Авторами анализируются новые положения уголовно-процессуального закона, регламентирующие процессуальные средства доследственной проверки и практики их применения органами предварительного расследования Северо-Кавказского и Южного федеральных округов.